

Василенко Ольга Алексеевна

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВОГО ТРИКСТЕРА В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ XVIII ВЕКА)

Статья раскрывает проблему освоения иностранных языков как социокультурную проблему, как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации в России XVIII века. Основное внимание автор акцентирует на новом феномене языкового трикстера в России, выступившем важным инструментом реформ и модернизации будущей империи, и связанном с ним сложном в социокультурном плане явлении карнавализации, повлекшим наступление совершенно новой исторической эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 26-32. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Таким образом, «тело больше не тайна, его эксплуатируют в разных синтетических инсталляциях, лишая той необходимой и естественной ауры достоинства, которая закладывает в человеке основы религиозного самоуважения к себе как к Божьему творению» [9, с. 80].

Разработка вопросов взаимодействия наготы, телесности и духовности как феноменов современных визуальных практик, составляющих женский образ, является значимой проблемой для дальнейшего нашего исследования.

Список источников

1. Агамбен Дж. Нагота. М.: Грюндриссе, 2014. 204 с.
2. Безансон А. Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества / пер. с франц. М.: МИК, 1999. 424 с.
3. Бердяев Н. А. Эрос и личность. СПб.: Азбука, 2012. 224 с.
4. Блейк У. Песни Невинности и Опыта / пер. с англ. С. Степанова. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2009. 272 с.
5. Булгаков С. Купина неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж: YMCA-Press, 1927. 288 с.
6. Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М.: МБА, 2010. 784 с.
7. Гофф Ж. ле, Трюон Н. История тела в Средние века / пер. с франц. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
8. Гучинская Н. О. Мистическое богословие Майстера Экхарда // Экхард М. Избранные произведения и трактаты / пер. со средневерхненем., пред. и коммент. Н. О. Гучинской. СПб.: Церковь и культура, 2001. С. 6-39.
9. Давыдова О. С. Человек в искусстве. Антропология визуальности. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 152 с.
10. Кларк К. Нагота в искусстве / пер. с англ. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
11. Книга ангелов: антология / сост., вступ. ст. и прим. Д. Ю. Дорофеева. СПб.: Амфора, 2001. 654 с.
12. Кудрявцева К. Г. Жена, облеченная в солнце: происхождение образа / под ред. Н. В. Брагинской, А. И. Шмаиной-Великановой. М.: РГГУ, 2015. 334 с.
13. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
14. Максим Исповедник. Главы о любви // Книга ангелов: антология / сост., вступ. ст. и прим. Д. Ю. Дорофеева. СПб.: Амфора, 2001. С. 198-218.
15. Милано А. Женщины и любовь в Библии. Эрос, агапа, личность / пер. с итал. СПб.: Алетейя, 2011. 344 с.
16. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил – Русская книга, 1994. 254 с.
17. Шипфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения / пер. с нем. М.: Гнозис-Пресс-Скарабей, 1997. 400 с.
18. Эконен К. Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.

INTERRELATION OF NUDITY, PHYSICALITY AND SPIRITUALITY OF FEMALE IMAGE IN PAINTING

Belova Dar'ya Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
darinda2006@yandex.ru*

The article is devoted to the issues of the interrelation of nudity, physicality and spirituality of the female image in painting from the Middle Ages to the present time. Representation of a naked female body in various statuses makes it relevant to consider nudity and its relationship with the body and soul in aesthetic discourse. Particular attention is paid to changes in the plasticity and proportions of the female body, its nudity, status; it is stated that not only the body, but the face and hands are the primary means of expressiveness.

Key words and phrases: femininity, icon, nudity, culture, Mother of God, creation.

УДК 1; 740

Философские науки

Статья раскрывает проблему освоения иностранных языков как социокультурную проблему, как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации в России XVIII века. Основное внимание автор акцентирует на новом феномене языкового трикстера в России, выступившем важным инструментом реформ и модернизации будущей империи, и связанном с ним сложном в социокультурном плане явлении карнавализации, повлекшим наступление совершенно новой исторической эпохи.

Ключевые слова и фразы: иностранный язык; трикстер; социокультурная модернизация; социокультурные парадоксы; социокультурные трансформации; карнавализация.

Василенко Ольга Алексеевна

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
vasilenko201076@mail.ru*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВОГО ТРИКСТЕРА
В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ XVIII ВЕКА)**

В предыдущей нашей статье «Иностранный язык как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации (на примере России XVI века)» мы показали воздействие языкового трикстера

на состояние социума и элит, под влиянием которого Россия смогла воссоздать новый вид государства со своеобразным типом культуры, христианским по духу и этатистским по задачам и формам социально-политического строительства [4, с. 39-45].

Татарский и польский языки, выступившие инициатором глобальных политических и социокультурных трансформаций, понимаемые как антиномические и внутренне противостоящие друг другу лингвистические начала, сыграли не последнюю роль в социокультурной модернизации страны.

В данной статье мы попытаемся провести социокультурную реконструкцию переходного периода становления и развития Российского государства XVIII века и предлагаем обратить внимание на репликацию влияния языкового трикстера в новых социально-политических условиях России.

Культурно-историческое развитие России в допетровскую эпоху.

Социокультурные проблемы и противоречия

Как нам представляется, и в новый переходный период страна также переживала воздействие языкового трикстера, но уже принципиально иного, а именно – немецко-голландского, ставшего одним из важнейших компонентов масштабной системы преобразования и реформирования России, и взаимосвязанного с ним чрезвычайно сложного в социокультурном плане явления карнавализации, усмотренного и проанализированного М. М. Бахтиным применительно к традициям средневековой европейской культуры. Кроме того, мы попытаемся показать, к каким парадоксальным формированиям в культуре России он может привести при определенных условиях.

В основном Россия не знала средневековых традиций карнавала. Другое дело, что это явление, выражавшееся в ритуализированных и приуроченных к определенным временам года ярмарочных балаганах и скомошестве, было несомненно характерно для низших социальных слоев и чрезвычайно редко поднималось до элиты. Поэтому крайне интересным и практически неизученным обстоятельством в социокультурном развитии страны оказывается возникновение карнавализации жизни именно в среде элитарного сословия, где законы, запреты и ограничения, определявшие строй и порядок обычной жизни, неожиданно отменяются и уступают место эксцентричности, фамильярности, профанации и другим категориям карнавализации [1, с. 72-73].

В связи с тотальной модернизацией общественно-политического бытия России и принудительным введением как европейских форм жизни, так и заимствований языковой культуры, и связанным с ней стремлением европеизировать Россию «во что бы то ни стало» (за что предначинатель этого процесса Петр I – Великий был назван сначала гениальным русским философом Н. А. Бердяевым, а затем Максимилианом Волошиным «большевиком на троне»), Россия XVIII века вновь оказалась на пороге испытаний веры, духа, традиций и жизненного уклада – словом, переходного времени, преисполненного подвижности и противоречий.

Однако, несмотря на тотальную европеизацию России и возникшую вследствие этого новую социокультурную ориентацию, у нее возникли новые геополитические противники, в том числе европейцы, с которыми, несмотря на приверженность европейским формам развития, Петр I не без успеха воевал, заимствуя при этом европейские формы культуры и одновременно отстаивая суверенитет государства, в силу чего страна пришла к необходимости коренным образом изменить вектор своего развития. По сути дела, здесь судьба повторила старое, но уже в новом обличье. Пережитые в эпоху Ивана IV политические, социокультурные лингвистические трансформации, отягченные следствиями Смуты, возобновлялись в новом качестве и своеобразии вновь и в России XVIII века.

Так, из потресения, пережитого в Смутное время, народ вынес обильный запас новых политических понятий, затем произошла смена династии, и в конце концов поменялся взгляд общества на государство и государя [12, с. 313]. Более того, уже в XVIII веке радикально изменился состав правящего класса, а затем появились новые исторические лица, случайно «всплывшие» наверх и ставшие проводниками принципиально новейших политических воззрений, именно в период Смуты проникших в московские умы [Там же, с. 318].

Однако политические и социокультурные трансформации России в эпоху Смуты окончились тем, что, во-первых, уменьшилось, то есть практически свелось «на нет» духовное влияние Речи Посполитой, а во-вторых, соблазны польской культуры претерпели социокультурное фиаско. Однако при этом влияние полонизма до конца не ушло, оно просто утратило свое социокультурное воздействие на правящую элиту на достаточно долгий исторический период.

И пока Россия восстанавливалась после борьбы со своими восточными соседями, Европа XVIII века, по словам геополитика и создателя исторической школы славистов В. И. Ламанского, «разрослась в громадный и могучий политический и культурный организм» [13, с. 220] благодаря техническим усовершенствованиям в области наук и промышленности, вследствие чего сама жизнь снова поставила перед Россией вопросы, связанные с противостоянием новым противникам и последующей европеизацией страны.

Поэтому, как нам представляется, масштабная модернизация России, вызванная необходимостью контакта с Европейским миром, изменила и выдвинула новый феномен языкового трикстера. Так как **голландский язык**, а впоследствии и **немецкий**, оказались важнейшими инструментами реформ, то модернизация будущей империи начала осуществляться именно в том стиле, который ретранслировали данные языки и их непосредственные носители с присущим им менталитетом, образом жизни, привычками, принципами и понятиями и в особенности – стилями существования. Именно результатом этого масштабного воздействия стало «раздвоение» европеизированного трикстера, и Россия XVIII века неизбежно столкнулась с дубликацией аспектов языкового влияния. Возьмем это предположение за гипотезу и присмотримся к существу дела.

То есть если в предыдущей статье мы попытались показать, что татарский язык стал инициатором глобальных, но в целом позитивных социокультурных изменений на Руси, способствуя обмену культурными

ценностями, а также выступая «добытчиком» новых знаний, в то время как польский язык принес в Россию особую европеизированную культурную атмосферу, моду, манеры, формы поведения; то в XVIII веке новым **трикстером** явилось именно голландско-германское языковое влияние, которое, «накладываясь» на старую московскую культуру, с ее обрядностью, сословностью, местничеством, всеми присущими достоинствами и недостатками данного уклада, взорвало и заставило московскую Русь «умереть», причем это практически была смерть культуры Московского царства. Далее практически на обломках ветхих верований и идеалов, разрушений и потрясений возникло бескомпромиссно принудительно-административным образом новое языковое начало как провозвестник модернизационных процессов и преобразований. Вследствие этого вполне закономерным образом начала «пробивать» себе дорогу в жизни и культуре новая оригинальная языковая ситуация со всеми с присущими ей качествами «созидательного отрицания» [23, р. 147], приносящая в мир «смерть» и разрушение старой культуры, а вместе с ней и массу новых возможностей.

Кроме того, следует отметить, что языковой трикстер в эпоху монголо-татарского ига действительно представлял собой мощную силу, вызвавшую глобальные социокультурные изменения в стране, вынужденной адаптироваться к внешнему нашествию; при этом татарский язык, несмотря на то, что он был представителем иной языковой группы, вошел в гражданский, социополитический, культурный обиход, минуя формы административной дрессуры, что в конечном итоге парадоксальным образом оказалось комплементарным менталитету, образу жизни и привычкам русского народа. Именно вследствие этого он был легко ассимилирован и затем воспринят в качестве естественно-привычного основания жизни. Таким образом, языковая экспансия, начавшись с вхождения на Русь, казалось бы, «чуждого» этнокультурного типа, благополучно закончилась метисизацией, появлением нового служивого сословия и новых дворянских родов на Руси. Однако новейший языковой трикстер, пришедший в Россию XVIII века, представлял собой отнюдь не комплементарное взаимопроникновение разных языковых структур, а затем и обычаев, образа жизни, привычек, форм существования людей, но некую сложную иррациональную силу, где созидание было прямо пропорционально разрушению. Причем это разрушительное воздействие в основном носило, как мы об этом говорили выше, административно-принудительный характер, и инициатором этого невиданного по мощи социокультурного принуждения был, по существу, единственный человек – Петр I.

«Вообще эпоха Петра I привносит в историю России нечто принципиально новое» [18, с. 187], и главной, «неподконтрольной никому фундаментальной Силой» [6, с. 37], инициатором социокультурных, политических и экономических трансформаций является сама мощная и неординарная личность Петра I. Эта фундаментальная сила несла в себе рационалистическое, враждебное религиозному сознанию русского народа духовное начало, выступившее своеобразным «посредником между мирами» [Там же, с. 40], добытчиком новых знаний и культурных ценностей. Стихийная мощь этой силы «взорвала» старое и осуществила роковой разрыв между старой и новой Россией. Причем напор проводимых Петром реформ был столь мощным, настойчивым и нетерпеливым, что затронул практически все фундаментальные основания социума. «Россия должна сделаться новым государством как можно скорее и во что бы ни стало, любой ценой. Это главное; это самое важное. Если она при этом еще и пострадает, то это не существенно» [9, с. 146].

Очень ярко и точно описывает М. А. Волошин в своем произведении «Китеж» действие этой новой, обрушившейся на Россию сокрушительной стихии:

«Антихрист – Петр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
Наукам книжным обучал» [5, с. 220].

Возникновение феномена нового языкового трикстера

Возникший под влиянием модернизации новый трикстер, будучи двойственным и противоречивым по своей природе, приобретает в культуре России сложные формы и «ломает» старые устои, иницируя напор реформ по двум вариациям: **голландской** в виде заимствования военной, флотской техники, градостроения и форм торговых отношений и **немецкой** с транспортированием форм государственности, системности и централизации в пока еще московскую Русь. Осмелимся предположить, что именно в связи с тем, что языковой трикстер парадоксальным образом раздвоился, он привел к появлению двойственных форм жизни, двойственной языковой ситуации, создав тем самым сложную «двойственную» культуру императорской России. По существу вещей, образ жизни и ценности элиты были прямо противоположны устоям и формам существования народа, и два этих сословия практически не понимали друг друга. Надо сказать, что этот языковой трикстер, со всеми присущими ему видами социокультурных трансформаций, неизбежно поставил народ и элиту в ситуацию сложного духовного и социокультурного выбора: либо принять и усвоить новые формы жизнеустройства и связанные с ними культурные преобразования, либо создать альтернативные формы народной культуры и при этом сохранить вековые традиции национального бытия. Теперь же попытаемся задуматься: к чему же это состояние социокультурной и языковой раздвоенности привело в реальности?

Так, по-видимому, оно привело, прежде всего, к тому, что существенная часть элиты адаптировалась под административно-принудительную европеизацию Петра и восприняла языковой трикстер как некую новую форму жизни и, соответственно, форму социокультурной адаптации. На наш взгляд, именно таким образом и появился новый административный тип, стремящийся управлять и насаждать новую систему бюрократически – принудительного управления Россией по «немецкому образцу». Часть же элиты, причем совершенно

незначительная, предпочла адаптироваться к новым формам социальной реальности по голландскому социокультурному языковому типу [12, с. 488-489]; и здесь мы видим возникновение новой технологизированной и коммерциализированной элиты, желающей торговать и индустриализироваться именно как голландцы.

Более того, данная дубликация трикстера, дабы наконец «расчистить дорогу» появлению нового антропологического типа, «модернизаторам» эпохи Петра, заставила «умереть» старую культуру. «Безродные», то есть практически новые «люмпены», выброшенные новой социальной волной на поверхность жизни, быстро адаптирующиеся к переменам нового времени, беспринципные и наглые, выступали проводниками новых духовно-ценностных и, соответственно, ментальных установок новой языковой культурной атмосферы. Не усвоив глубинные элементы европейской культуры, но захватив всего лишь ее поверхностный слой, этот новый исторический тип заложил основы особого явления – фаворитизма, получившего поддержку у новой императорской России, но совершенно чуждого власти московских царей с их сложными, совещательными и «гласными, демократическими процедурами» [18, с. 393].

Так, если в Московской Боярской думе, пишет И. Л. Солоневич [Там же, с. 407], в «этой бесшумной и замкнутой лаборатории московского государственного права и порядка» люди спорили, «но не о власти, а о деле; здесь каждому знали цену по дородству разума, по голове, и задачи решались с острой мудростью и осознанием ответственности» [19, с. 498], то проявлением последнего стала замена старорусской знати, занимающей руководящие посты в государстве и, несомненно, наделенной природным чувством патриотизма, на людей, сумевших быстро адаптироваться к требованиям нового времени и на лично преданных императору. «Черная кость ногами дверь открывает!» [Там же, с. 324]. Процесс смены и перехода, угасания и зарождения нового превосходно передается словами Олешки Бровкина князю Мартыну в романе А. Н. Толстого: «Что-де смотришь на меня зверообразно, я-де тебе ныне не холоп, ты прежде был князь, а ныне ты – небылица» [Там же, с. 334]. Схожие мироощущения передает в своем стихотворении «Моя родословная» А. С. Пушкин: «У нас нова рождением знатность, И чем новее, тем знатней...» [16, с. 206], – подчеркивающий неорганичность новой правящей структуры в духовном и социокультурном пространстве страны.

Но какова же причина такого парадоксального расслоения элиты? Ответ на этот вопрос нам видится в том, что, несмотря на амбивалентный характер проводимых Петром реформ, голландский язык в силу сложности и трудности усвоения вошел в противоречие с русской ментальностью и постепенно утратил свое влияние. Если внешние черты голландской культуры, а именно – ее предметно-бытовую аранжировку, еще как-то возможно было ретранслировать на Руси, то невозможно было привить народу особую бюргерскую расчетливую и крайне прагматичную культуру, благоговение перед торговлей как фундаментальной основой жизни и абсолютную коммерциализацию всего и вся как единственное «содержание жизни». По существу вещей, Россия слишком долгое время развивалась принципиально на других основаниях, и если заимствовалось что-то из чужих источников, то достаточно осторожным и бережным образом [12, с. 334-335]. Поэтому культурные установки, не отвечающие ментальному устройению русского национального типа, рано или поздно должны были войти с ним в противоречие или же, безусловно, адаптироваться к существующему «порядку вещей». Следствием же этого социокультурного конфликта со временем оказалась замена расчетливого голландского влияния более звучным русской ментальности немецким социокультурным стилем.

Вообще следует заметить, что немецкая системность, способность к очень жесткому выстраиванию форм государственности, уточненная рациональность и одновременно наклонность к каким-то мистическим проявлениям духа и культуры оказались более влиятельными в России и продлились в последующих столетиях, перейдя в сферу государственного управления и устойчивого культуртрегерства. Однако попытка создать «копию» европейского государства на отечественной национальной основе породила гипертрофированную бюрократизацию, сводящую все социальные инициативы к одному центру, что в целом опять-таки носило парадоксальный и совершенно иррациональный характер.

Обратимся за примерами к выдающимся произведениям немецкого романтика того времени Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок», «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» [7, с. 20-101, 212-312]. Глубокая амбивалентность социальных проблем, затрагиваемых автором, и вместе с тем действие сверхъестественных фатальных сил, управляющих жизнью людей, каким-то парадоксальным образом более отвечали структуре русского сознания, тяготеющего к порядку и «сильной руке» и одновременно допускающего, что внутри этого «порядка» может быть нечто сложно-непредсказуемое. Фантазмагоризм немецкого духа, поднимающегося из воплощенной рациональности, перейдя в формы государственного управления, был привычнее ментальности русских, нежели сухая и грубая прагматичность голландцев, и со временем глубоко и прочно вошел в структуру национального менталитета. По-видимому, немецкое влияние, вторгшееся в русское сознание и приучившее его к бюрократизации многих сложных форм жизни, оказалось более комплементарным национальному духу России и продлилось в последующих столетиях, и мы, по сути дела, ощущаем его и по сей день.

Но как же народ принял и осознал все эти сложные социокультурные трансформации? Есть все основания полагать, что большая часть народа не могла и не хотела усваивать новые духовно-ценностные установки и, оставаясь в прежних языковых формах, ушла «в подполье» национальной культуры, что впоследствии привело к появлению сложного феномена национально-культурного нигилизма и возрождению старообрядчества как некоего образца русскости и незыблемого духовного идеала. Исторически русский народ формировался по совершенно иным культурологическим «лекалам», суть которых блестяще охарактеризовал немецкий философ В. Шубарт: «Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего» [22, с. 378]. Верующий, консервативный,

при этом очень динамичный народ пытался как-то выжить в Петровском вихре перемен и при этом сохранить свою духовную основу.

Карнавализация как следствие воздействия нового языкового трикстера

Следует отметить, что языковой трикстер, в своем стремлении разрушить старую культуру и на ее обломках построить нечто принципиально новое, заставил общество развиваться в крайне карнавализованных формах, которые Россия еще не знала на всем протяжении своего исторического опыта. Никогда еще карнавализация не поднималась до элитарного сословия, не принимала таких гипертрофированных форм и не сопровождалась фамильяризацией, профанацией и осмеянием прежних духовно-ценностных оснований социума. При этом попытки как-то примириться к новым, чуждым русской ментальности культурологическим формам и «наложить» грубым и насильственным путем новые традиции на прежнее старорусское бытие явились свидетельством социокультурного «разрыва» и принудили жизнь ответить на него карнавализацией, символизирующей пафос смен и перемен, смерти и обновления, смеха и страдания [1, с. 73].

Так, А. Н. Толстой культурологически точно в своем романе «Петр I» устами своего героя Князя Романа Борисовича Буйносова, также предельно карнавализованного, передал те глубинные и уже почти совершенно необратимые трансформации, происходящие в обществе того времени.

Прежние формы жизни, моральные устои и верования вдруг разом и безоговорочно превращались в «небылицы» [19, с. 334] и таким образом отразили грубую фамильярность нового переходного периода. Описание приезда царя с пьяной компанией в дом Князя Буйносова наглядно отражает карнавальное мироощущение: «Танцевать умеешь?.. (Какое там, – у девок от стыда слезы из глаз прыщут.) Научить... К масленой плясали б минует, польский и контерданс...»... «Сделать в доме политес изрядный, – запомни!» [9, с. 328]. Воспитанные в старых традициях княжны должны были пить вино, носить немецкие робы, говорить на немецком и голландском и, конечно, по силе возможностей участвовать в культурно-преобразовательных эксцессах своего времени [Там же]. «Сидят с утра, раздевшись, делают плезир, – пьют чай и кофей» [Там же, с. 334-335]. Фамильярное отношение распространялось на все: на ценности [1, с. 72], мысли, явления, вещи. Дух карнаваальной символики присутствует в романе А. Н. Толстого и даже при описании жилища князя: «Вон висит на тесовой стене – где бы ничему не висеть голландская, ради адского соблазна писанная, паскудная девка с задраным подолом. Царь велел в опочивальне повесить не то на смех, не то в наказание. Терпи...» [19, с. 323].

Фамильярные отношения, характерные для периода того времени, непосредственно связаны и с другой карнаваальной категорией – профанацией: карнавальное кощунство, целая система снижений и приземлений [1, с. 72], которая превратила прежнюю жизнь в «мир наизнанку» [Там же, с. 97], где древние знатные княжеские роды оказались на грани уничтожения, а бояре знатных домов вынуждены были участвовать и в мероприятиях всешутейского собора; и чем родовитее и уважаемей была старорусская знать, тем более варварский и безобразный характер носят откровенные поругания над ней.

Вообще чрезвычайно интересно, что карнавализацией были проникнуты не только внешние слои, но и глубинное ядро социума [Там же, с. 78], причем все переживаемые карнаваальные категории были оформлены карнавальным смехом, обнажая масштабность и гротескный характер последних. Причем нельзя не заметить, что языковой трикстер в Петровскую эпоху ведет себя крайне вульгарно, отражая пафос перемен и принимая определенную форму социокультурного насилия.

Так, например, стремление Петра модернизировать церковь приняло совершенно нестерпимые формы глумления над ее духовно-нравственными ценностями и осмеяния сакральных понятий. Составив «всешутейший собор, выбрав князя-папу, конклав из двенадцати кардиналов с огромным штатом епископов» [21, с. 161], Петр устраивал балаганные шествия во время церковных праздников, с пренебрежением относился к христианским верованиям и идеалам, вызывая негодование и неприятие у народа в целом. Телеги на свиньях [19, с. 205], сани на коровах, колпаки с павлиньими перьями, красные мантии, трубки, сложенные в кресты, получают значение некой драматичной социокультурной «точки» [1, с. 101], посредством которой были предприняты попытки радикально сменить культурно-историческую парадигму, преступить запретную духовную черту, подчеркивая тем самым кризисное состояние эпохи, переходящей в сакральном плане от традиционного православия к некоторым карнавализованным смещениям модернизированного отечественного вероисповедания с псевдо-протестантской духовностью.

Вообще иррациональная сила, направленная Петром на разрушение церкви как административного учреждения, не затронула лишь религию как духовную основу существования нации. Заменив патриаршество Синодом по немецкому лютеранскому образцу, Петр и церковь умудрился приспособить к нуждам армии и все более администрирующегося государства, обложив последнюю податями и отливая из церковных колоколов пушки. «Что останется от нас, если мы развеем нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мировосприятию, наше чувство непрестанного предстояния?» [10, с. 12]. Духовное, культурное строительство нового государства, новой империи и вынесение нового бремени, то есть постоянной готовности «незримо возрождаться в зримом умирании» [Там же, с. 22], для русского народа невозможно было бы без веры [9, с. 308], в особенности – в извечных, никакими реформами не изменяемых фундаментальных ее основаниях. Возможно, Петр вполне осознавал, что, разрушив церковь «до основания», он неизбежно разрушит и саму империю как таковую, и столь характерная личная внутренняя связь человека с сакральным и властью будет также разрушена.

Социальный заказ нового общественного слоя, выработавшего свои особые понятия, не соответствовавшие никакой социокультурной действительности в Европе, язык, в котором не было места для обозначения

чисто русских национальных явлений, породили сложную идею двойничества, подделки и перманентной фальсификации всего и вся.

Строго говоря, эти умонастроения в целом характерны для эпохи карнавализации и неизбежно создают лже-мифологию, долго таившуюся в национальной культуре и вновь ожившую в результате персонифицированной силы, проводящей принудительную европеизацию страны и в силу этого враждебной религиозному сознанию русского народа. Ярким примером этому служат мифы о царе-антихристе, о немецком происхождении Петра, о подмене царя после его поездки в Европу [12, с. 482-483]. Возможно, все эти мифологические упования русского народа на сохранение национального духовного и адекватного его социально-гражданского бытия и воспрепятствовали проникновению европеизации вглубь национальной России. Кроме того, нежелание адаптироваться к новым формам жизнеустройства, стремление жить сами по себе вынуждали народ осваивать глубинную Россию, Сибирь и Дальний Восток, где он был свободен от государства и Петровских реформ.

Здесь мы вынуждены констатировать тот факт, что историческая особенность России как раз в том и состоит, что у нас один тип культурно-исторического развития общества резко сменяется другим без необходимых эволюционных переходов. Причем большие исторические проблемы, имманентные бытию России, требуют, к сожалению, крайне быстрого решения вековых задач, что в целом отзывается «взрывом» устойчивого исторического процесса. И этот «взрывной» характер нашей истории неизбежно порождает всякий раз новый государственный антропологический тип с присущими ему социокультурными задачами. Кроме того, практически вся история России по существу свидетельствует о том, что проводимые в стране реформы, несомненно, носят ярко выраженный парадоксально-непредсказуемый характер, поскольку результаты реформ обращены в большей степени к будущему, смысл которого зачастую совершенно непонятен современникам. Характер же проводимых реформ в основном грубо административный и неизбежно носит форму скачков, ведущих к радикальным изменениям всех областей жизни государства, истощению нации и деформации ее элитарного слоя.

Итак, как мы уже отмечали выше, Россия XVIII века переживала глубокие политические, экономические и социокультурные трансформации, вызванные последствиями переходного времени, преисполненного подвижности и противоречий. Голландский и немецкий языки, выступившие языковым трикстером и определившие стиль последующей модернизации страны, привели к появлению двойственных форм жизни, двойственной языковой ситуации и, как следствие, – двойственной культуры. Это сложное социокультурное бытие, заимствованное у Запада, уничтожило порядки и правосознание сословной доромановской России и затем приняло ярко выраженный карнавальский характер, парадоксальным образом проявившийся в новую эпоху имперской государственности.

Административно-принудительная европеизация, осуществляемая Петром, повлекла за собой колоссальные социокультурные противоречия. Именно в Петровскую эпоху произошла деструкция между элитой и народом, а также деструкция нравственных и духовных связей; и эти два социальных слоя в конечном итоге перестали понимать друг друга. Кроме того, народ всецело подпал под власть крепостного права; и этот поистине роковой по существу период оказался непрекращающейся борьбой между Западом и Востоком в недрах русской души.

Таким образом, попытки как-то «примериться» к новым, чуждым русской ментальности культурологическим формам и «наложить» новые традиции на прежнее старорусское бытие привели к парадоксальному расслоению элиты на коммерциализированную и административную и в конечном итоге – к появлению новых форм национально-культурного нигилизма у народа. Именно поэтому навязанный Петром I немецко-голландский тип культуры в силу своей сложности и чуждости ментальному основанию сначала русских «люмпенов», а затем «нунворишей», так и не стал культурным протагонистом, впоследствии им выступил преимущественно французский язык, напитавший и создавший культуру Золотого века, о роли и значении которого в культурно-историческом бытии России мы предполагаем говорить позже.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 167 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 540 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.: в 3-х т. М.: Весь Мир, 2006. Т. 1. 551 с.
4. Василенко О. А. Иностраный язык как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации (на примере России XVI в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 39-45.
5. Волошин М. А. Лирика. Минск: Харвест, 1999. 400 с.
6. Гаврилов Д. А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
7. Гофман Э. Т. А. Новеллы / пер. с нем. М.: Моск. рабочий, 1983. 448 с.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд-е 6-е. СПб.: Глаголь; Санкт-Петербургский университет, 1995. 574 с.
9. Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
10. Ильин И. А. О России: монография. 2-е изд-е. М.: ТРИТЭ, 1995. 32 с.
11. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2007. 1020 с.
12. Ключевский В. О. Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 671 с.
13. Лафанский В. И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
14. Платонов С. Ф. Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. 283 с.

15. Пушкин А. С. Избранное. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 696 с.
16. Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: поэма. 735 с.
17. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 768 с.
18. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
19. Толстой А. Н. Петр Первый: роман. М.: Сов. Россия, 1986. 720 с.
20. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. 336 с.
21. Цветков С. Э. Петр Первый. 1672-1725. М.: Центрполиграф, 2005. 591 с.
22. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 446 с.
23. Babcock-Abrahams B. A. Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute. 1975. Vol. 11.1.3. P. 147-186.

ACTUALIZATION OF LANGUAGE TRICKSTER INFLUENCE IN NEW SOCIO-POLITICAL CONDITIONS OF RUSSIA (BY THE EXAMPLE OF RUSSIA OF THE XVIII CENTURY)

Vasilenko Ol'ga Alekseevna

Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk
vasilenko201076@mail.ru

The article reveals the problem of mastering foreign languages as a socio-cultural problem, as a trickster of social transformations and socio-cultural modernization in Russia of the XVIII century. The author focuses on a new phenomenon of the language trickster in Russia, which was an important instrument for reforms and modernization of the future empire, and connected with it complex in the sociocultural plan phenomenon of carnivalization, which brought about a completely new historical epoch.

Key words and phrases: foreign language; trickster; socio-cultural modernization; socio-cultural paradoxes; socio-cultural transformations; carnivalization.

УДК 625.7/8(571.12)«1960/1990»

Исторические науки и археология

В статье анализируется развитие автодорожного строительства на севере Западной Сибири в 1960-е – начале 1990-х гг. Автор статьи акцентирует внимание на особенностях и методах ускорения транспортного строительства в контексте нефтегазового освоения Крайнего Севера. Выявляются основные этапы строительства автомобильных дорог Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Ключевые слова и фразы: автодорожное строительство; Министерство транспортного строительства СССР; автодорожный трест; нефтегазовое освоение; локальная автодорожная сеть; форсирование; ведомственная сеть автодорог.

Веселов Севостьян Игоревич

Сургутский государственный университет
veselov19920304@mail.ru

РАЗВИТИЕ АВТОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-Е – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

С начала нефтегазового освоения севера Западной Сибири проблемы развития автодорожного строительства приняли исключительно сложный характер. Вследствие отсутствия круглогодичной транспортной инфраструктуры районы нового промышленного освоения оставались малодоступными и удаленными от крупных промышленных центров. Открытые нефтяные и газовые месторождения характеризовались сложными инженерно-геологическими, гидрологическими и гидрогеологическими условиями. Именно эти причины препятствовали форсированному развитию автодорожной сети в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Опыт освоения нефтегазовых районов Западной Сибири показал, что основным видом межпромысловых и внутрипромысловых транспортных коммуникаций являются автомобильные дороги. Поэтому одной из актуальных задач транспортного строительства на севере Западной Сибири становилось создание и расширение сети автомобильных дорог в интересах нефтегазодобывающей промышленности.

В 1960-1963 гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах было открыто 18 газовых и 9 нефтяных месторождений. В 1964 г. последовала подготовка к промышленной эксплуатации Шаимского, Западно-Сургутского, Мегионского, Усть-Балыкского месторождений [11, с. 294]. Краеугольным камнем автодорожного строительства на севере Западной Сибири явилось создание специализированных автодорожных организаций. В августе 1964 г. в составе треста «Тюменьнефтегазразведка» формируется первая автодорожная организация – Сургутская дорожная строительно-ремонтная контора (ДСРК) с участками в Урае, Мегионе, Нижневартовске, Усть-Балыке [3, д. 2, л. 64]. Сургутская ДСРК в 1964-1965 гг. обслуживала зимние автодороги. Помимо этого, контора приступила к строительству временных грунтово-лежневых автодорог. В январе 1965 г. заработал зимник Тюмень-Сургут, Тюмень-Шаим [13, с. 60]. Таким образом, первые грузы с материалами и оборудованием для нефтяников и геологов стали поступать по сезонным автодорогам в Сургут и Урай.